

**В 1928 году Владимир Маяковский встретил в Париже Татьяну Яковлеву и «с первого взгляда жестоко в нее влюбился». Они собирались обвенчаться. Этот роман сыграл драматическую роль в дальнейшей жизни выдающегося советского поэта. Может быть, даже трагическую...**

# МАЯКОВ ЕГО ЛЮБЬЮ



Лиля Брик



Татьяна Яковлева



Вероника Полонская

**В** 1993 ГОДУ в издательстве “Дружба народов” вышел сборник “Имя этой теме: любовь”. Василий Абгарович Катанян, (1902–1980), биограф В.В. Маяковского, собрал в нем воспоминания женщин, близких Владимиру Владимировичу, так или иначе сыгравших более или менее заметную роль в жизни поэта. Среди них Софья Шамардина, Маруся Бурлюк, Эльза Триоле, ее сестра Лиля Брик (с 1937 г. — жена В. Катаняна), Наталья Брюханенко, Наталья Рябова, Галина Катанян и Вероника Полонская. Это очень своеобразный мемуарный материал, рисующий глазами женщин столь неординарную личность, оказавшую большое влияние на становление русской и советской поэзии в начале XX века, человека, для которого личное и общественное органически соединялось.

Сам составитель отмечает, что среди имен авторов отсутствуют воспоминания еще двух женщин, с которыми Маяковского связывала судьба. Одна из них — Елизавет Зибер, из немцев Поволжья, впоследствии американка, известная по имени Элли Джонс. Элли Джонс всю жизнь преподавала языки, умерла в 1985 году. Ее дочь Элен Патриция Томпсон родилась в результате связи матери с В. Маяковским во время поездки поэта в Америку. В октябре 1928 года Владимир Владимирович побывал в Ницце, где встречался с “обоими Элли”. А возвратившись в Париж, познакомился здесь с Татьяной Яковлевой и, по словам Эльзы Триоле, которая присутствовала при начале этого романа, “с первого взгляда жестоко в нее влюбился”.

В письме матери — Л.Н. Орловой в Пензу Татьяна Яковлева рассказывает: “Познакомились мы так. Ему здесь, на Монпарнасе (где я нередко бываю), Эренбург и др. знакомые бесконечно про меня рассказывали, и я получала от него привет, когда он еще меня не видел. Потом пригласил в один дом специально, чтобы познакомиться. Это было 25 октября. И до 2 ноября (на самом деле — до 2 декабря. Л.З.) — дня его отъезда я видела его ежедневно и очень с ним подружилась. Если я когда-либо хорошо относилась к моим “поклонникам”, то это к нему, в большой доле из-за его таланта, но и еще большей из-за изумительного и буквально трогательного ко мне отношения. В смысле внимания и заботливости (даже для меня, избалованной) он совершенно изумителен. Я до сих пор по нему скучаю. Главное, люди, с которыми встречаюсь, большей частью “светские”, без всякого желания шевелить мозгами или же с какими-то мухами засиженными мыслями и чувствами. М. же меня подхлестнул, заставил (ужасно боялась рядом с ним казаться глупой) умственно подтянуться, а главное — остро вспомнить Россию...”

Этот роман сыграл драматическую роль в дальнейшей судьбе Маяковского. Может быть, даже трагическую. В. Катанян писал: “О Татьяне Яковлевой все годы говорили глухо и неправдоподобно, имя ее в нашей печати не появлялось. Стихотворение, ей посвященное, долгое время не печаталось, не надо забывать, какая у нас была ситуация, — разве мог “лучший советский поэт” влюбиться в эмигрантку и невозвращенку?!”

Затем В. Катанян упоминает о статье в “Огоньке” в 1968 году, “где впервые в советской прессе написали об их романе. Правда, в лучших традициях бульварных газет”. Далее он, не раскрывая, в чем заключалась “бульварность” мало кому известной, но все же первой статьи о существовании Яковлевой в жизни поэта, весьма резко порицает публикацию. Катанян не указывает ни имен авторов статьи, ни ее заглавия (Воронцов В., Колосков А. Любовь поэта. Трагедия поэта. “Огонек”, 1968) “Акценты были намеренно смещены. Имя Лили Брик, которое поэт начертал на полном собрании своих сочинений, было предано поруганию, и любовь всей его жизни пытались вырвать из его сердца. То, что поэт написал пером, вырубали топором. Во время это, как ни странно, удалось. Однако, годы поставили все на свои места”.

Звучало это несколько загадочно. Вряд ли можно было жаловаться, что роли Лили Юрьевны Брик в жизни Маяковского в нашей литературе уделялось мало места. Наоборот, почти неизменно ее имя произносилось рядом с именем Маяковского, хотя, как свидетельствует В. Катанян, “в 1925 году отношения Маяковского с Лилей Брик перешли в новую фазу, они стали чисто дружескими”.

А вот имя Яковлевой, это верно, замалчивалось. Когда “Огонек” нарушил молчание вокруг Яковлевой, журнал удостоился негативных эпитетов. То, что В. Катанян “немножко нервно” реагировал на первое и вообще-то редкое упоминание о том, что “роман” с Яковлевой у поэта

все-таки был, можно объяснить желанием близкого к Брик человека, (а он стал мужем Лили Юрьевны), чтобы об этом романе вообще не упоминалось.

Можно было ожидать несколько более пространный объяснения того, что соединяло поэта с “эмигранткой” и “невозвращенкой”. Тем более что Татьяна Яковлева, по свидетельству В. Катаняна, не оставила письменных свидетельств, кроме писем к ней В. Маяковского. Они переключались в Гарвардский университет и по завещанию должны были быть опубликованы после смерти Яковлевой (она скончалась в 1991 г.). А письма поэту самой Яковлевой? По словам В. Катаняна, их сожгла Лиля Брик будто бы по просьбе Яковлевой. “Страшно вспомнить, какую ерунду я ему писала”, цитирует он слова женщины, которая называлась невестой Маяковского. Что касается Т. Яковлевой, то В. Катанян пишет: “Над воспоминаниями о своей жизни она работала в начале 80-х годов с писателем Г. Шмаковым, но он умер, и мемуары остались ненаписанными”.

Итак, тупик? Но ведь у Татьяны Алексеевны было много друзей. И в Нью-Йорке, и в Париже, и в Риме, куда она нередко наезжала. Она могла многое рассказать тому же В. Катаняну, который с ней встречался. Как человек, близкий к Брикам и Маяковскому, он, разумеется, задавал ей вопросы, ответы на которые могли прояснить характер “романа” с Яковлевой, детали их отношений в конце 1928 года и далее, вплоть до кончины поэта. Кому как не маяковеду их было задавать, ведь Катаняну принадлежит немало исследований о жизни и творчестве Владимира Владимировича, включая труд “Маяковский день за днем”. Рассказ Яковлевой мог внести немало ценного в то, чтобы день за днем, “до дней последних донца”, высветить драму поэта.

В. Катанян действительно беседовал с “эмигранткой” и рассказал об этом в предисловии к сборнику, который составлял. “Мне довелось общаться с Татьяной Яковлевой-Либерман в конце 70-х годов. После первого мужа дю Плесси, который погиб во второй мировой войне и был награжден орденом Сопротивления, Татьяна вышла замуж за Алекса Либермана, видного скульптора и художественного редактора журнала “Vog”. В их доме в Нью-Йорке висят Дали и Ларионов, Гончарова и Пикассо с дарственными надписями хозяйке. Высокая, красивая женщина в платье от Сен Лорана, сидя в белой гостиной, уставленной огромными кустами цветущих азалий, говорила о Маяковском и Цветаевой, Бродском и Вознесенском, Марии Каллас и фон Карояне — ее знакомых и друзьях из разных эпох. О Маяковском много, цитируя его стихи, иногда ошибаясь лишь в датах. (Недаром Маяковского поражала в Татьяне ее редкая память на стихи). О статьях в “Огоньке” она говорила с презрением, несмотря на то, что всякими подтасовками именно ее роль изо всех сил старались возвысить”.

Сказано скуповато. Более подробно рассказывает о Яковлевой А.Л. Михайлов в своей книге “Точка пули в конце” (Планета, 1993):

“Девушка эта — Татьяна Алексеевна Яковлева, русская, из Пензы, уехавшая из России в 1925 году то ли по вызову своего дяди, художника Александра Яковлева, то ли по вызову бабушки, матери художника и Татьянинного отца. Отец ее, Алексей Евгеньевич Яковлев, — офицер инженерных войск, потом и архитектор. Говорили, будто он изобрел состав искусственного каучука, не мог реализовать изобретение в России и уехал в Америку еще до революции. Дядя, Александр Евгеньевич, известный художник, после окончания Петербургской Академии художеств был в Италии, затем посетил Китай и Японию, тоже, еще до революции, осел в Париже. С ним жила и мать. При них устроилась Татьяна. Она научилась шить шляпки, стала мастерицей и блистала в обществе русских и французов, окруженная поклонниками. Она действительно была хороша собой, высока и стройна”.

**Л** ЕТОМ 1972 ГОДА мне довелось встречаться с Татьяной Алексеевной Яковлевой в Риме, где я работал корреспондентом “Известий”. Во время бесед приходилось затрагивать и некоторые детали ее отношений с Маяковским. Думаю, что это дает право высказываться по весьма деликатной теме, хотя я никогда не был маяковедом. Наша эпоха, однако, выявила столько людей, считающих себя специалистами в областях, где трудно заподозрить в них профессионализм, что отважусь сказать и свое слово, хотя бы как журналист, репортер, свидетель уходящего времени.